

12. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 460 с.

13. Плохий С. Божественне право гетьманів: Богдан Хмельницький і проблема легітимності гетьманської влади в Україні / С. Плохий // *Mediaevalia ucrainica: ментальність та історія ідей*. Т.3. – К., 1994. – С.92–97.

14. Свідзинський А. Культура як феномен самоорганізації / А. Свідзинський // *Сучасність*. – 1992. – №4. – С.141–155.

15. Смолій В. А., Степанков В. С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації / В. А. Смолій, В. С. Степанков. – К.: Альтернативи, 1997. – 367 с.

16. Фролов С. С. Социология организаций / С. С. Фролов. – М.: Гардарики, 2001. – 382 с.

17. Фігурний Ю. Українські етнічні, державотворчі і націєтворчі процеси (сер. XVI–XVIII ст.) в українознавчому вимірі / Ю. Фігурний. – К.: ННДУВІ, 2011. – 142 с.

18. Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків: у 3 т. / Д. І. Яворницький. – К.: Наук. думка, 1990. – Т.1. – 1990. – 581 с.

References

1. Akty, odnosjashiesja k istorii Zapadnoj Rossii. T.4. – SPb.: Tip. Je. Praca, 1851. – 529 s.

2. Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii. T.1. Ch.1. – K.: Universitetskaja tipografija, 1859. – S.640.

3. Boplan G. L. Opys Ukrai'ny / G.–L. Boplan. – L'viv: Kamenjar, 1990. – 301 s.

4. Grabovych G. Do istorii' ukrai'ns'koi' literatury / G. Grabovych. – K.: Krytyka, 2003. – 631 s.

5. Grushevs'kyj M. Iljustruvana istorija Ukrai'ny / M. Grushevs'kyj. – Kyi'v–L'viv, 1913. – 524 s.

6. Efimenko A. Ja. Juzhnaja Rus' / A. Ja. Efimenko. – SPb.: Obshhestvo im. T. G. Shevchenko, 1905. – T.1. – 1905. – 439 s.

7. Istorija ukrai'ns'kogo kozactva: narysy u 2–h t. / vidp. red. V. A. Smolij. – K.: Vyd. dim «KM akademija», 2006. – T.1. – 2006. – 799 s. – Bibliogr.: s.690–781.

8. Istochniki malorossijskoj istorii, sobrannye D. N. Bantysch-Kamenskimi i izdannye O. Bodjanskimi. – M., 1859. – 340 s.

9. Kryp'jakevych I. Bogdan Hmel'nyč'kyj: vyd. druge, vypr. i dopov. / I. Kryp'jakevych. – L'viv: Svit, 1990. – 408 s.

10. Mycyk Ju. Dzhherela z istorii' Nacional'no-vyzvol'noi' vijny ukrai'ns'kogo narodu seredyiny XVII st. / NAN Ukrai'ny, Instytut ukrai'ns'koi' arheografii' ta dzhereloznavstva / Ju. Mycyk. – Dnipropetrovs'k: Dnipro, 1996. – 262 s.

11. Prigozhin I., Stengers I. Vremja, haos, kvant / I. Prigozhin, I. Stengers. – M.: Progress, 1999. – 310 s.

12. Prigozhin I., Stengers I. Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoy / I. Prigozhin, I. Stengers. – M.: Progress, 1986. – 460 s.

13. Plohij S. Bozhestvenne pravo get'maniv: Bogdan Hmel'nyč'kyj i problema legitymnosti get'mans'koi' vlady v Ukrai'ni / S. Plohij // *Mediaevalia ucrainica: mental'nist' ta istorija idej*. T.3. – K., 1994. – S.92–97.

14. Svidzyn'skyj A. Kul'tura jak fenomen samoorganizacii' / A. Svidzyn'skyj // *Suchasnist'*. – 1992. – №4. – S.141–155.

15. Smolij V. A., Stepankov V. S. Ukrai'ns'ka derzhavna ideja XVII–XVIII stolit': problemy formuvannja, evoljucii, realizacii' / V. A. Smolij, V. S. Stepankov. – K.: Alternatyvy, 1997. – 367 s.

16. Frolov S. S. Sociologija organizacij / S. S. Frolov. – M.: Gardariki, 2001. – 382 s.

17. Figurnyj Ju. Ukrai'ns'ki etnichni, derzhavotvorchi i nacijetvorchi procesy (ser. XVI–XVIII st.) v ukrai'noznavchomu vymiri / Ju. Figurnyj. – K.: NNDIUVI, 2011. – 142 s.

18. Javornyc'kyj D. I. Istorija zaporiz'kyh kozakiv: u 3 t. / D. I. Javornyc'kyj. – K.: Nauk. dumka, 1990. – T.1. – 1990. – 581 s.

Levchenko A. V., Ph.D., associate professor, Department of Philosophy and Political Science, Khmelnytsky National University (Ukraine, Khmelnytsky), andrilevchenko@gmail.com

Levchenko M. O., candidate of sciences (economics), senior lecturer of the Department of International Economic Relations, Khmelnytsky National University (Ukraine, Khmelnytsky), confmfv@gmail.com

The phenomenon of self-organization of Ukrainian society: based on the historical experience of the Zaporozhian Sich

The processes of self-organization in the emergence and functioning of the Zaporozhian Sich as a military-political organization are researched. Zaporizhzhya

Sich is defined as a form of self-development of the Ukrainian community, and authors have analyzed its transition to higher forms of social organization and the creation of new structures and institutions of political power in Ukraine. Self-organization mechanisms are considered as a prerequisite for the dynamic development and consolidation of Ukrainian society, on the one hand, and as a compensatory factor in the imbalance and fragmentation of it in times of instability, political and military upheaval, on the other. It is concluded that over many decades, Zaporizhzhya Sich as an organization was characterized by a wide range of political and military activities. In general, Ukrainian lands did not have virtually any sphere of life that was left out of the attention of Kosh Zaporozhian Army.

Keywords: self-organization, Zaporizhzhya Sich, statehood, state-building.

* * *

УДК 322.22

Мельник В. М.,

политолог, главный редактор научного журнала «Анналы юридической истории», преподаватель кафедры философии и общественных наук Винницкого национального медицинского университета им. Н. И. Пирогова, член Украинской ассоциации внешней политики, учёный секретарь Международного центра гражданской политологии при КНУ им. Т. Шевченко (Украина, Киев), melnyk_science@mail.ru, melnyk1996ethnology@gmail.com

ТЕОРИЯ СИМФОНИИ В ГОРИЗОНТАЛЬНОМ И ВЕРТИКАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ КАК ПОЛИТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЧЕРТА ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Теория симфонии государства и церкви носит специфический греческий характер. Она дополнила «Римскую идею» новыми элементами, что ознаменовало переход от античности к средневековью в области политической мысли. Условной границей для этого перехода мы можем выбрать 565 год – год смерти Юстиниана Великого (527–565) и вступления на престол Юстина II (565–578). Византийская симфония сконцентрирована вокруг «сакрализации власти». Она предлагает смотреть на вещи с точки зрения их идеальной природы и пользоваться природным правом в качестве источника политического действия.

Ключевые слова: теория симфонии государства и церкви, природное право.

(статья друкється мовою оригіналу)

Римский мир в сознании рядового византийца отождествлялся с христианством. Собственно говоря, он и был миром христианским. И та «реконкиста Запада», которую предпринимал Юстиниан Великий (527–565), должна была воссоединить разрозненные западные течения мировой религии. Итальянские кампании Велизария (535–540 и 544–548 годы), наступательные действия Нарсеса в 550–552 годах обосновывались необходимостью изгнать ариан из Африки, Италии, Далмации. Эта программа была выполнена Византийской империей под руководством Юстиниана [18].

Однако не стоит забывать, что завершение эпохи античности ознаменовало собой и духовное размежевание между греками и римлянами. Две части одного имперского и цивилизационного целого были разделены геополитическими и этнополитическими факторами, изменившими условия жизни на территории Европейского месторазвития [о месторазвитии см.: 10, с. 117]. Период распада Западной Римской империи совпал с Великим переселением народов и одновременным усилением государственных образований на Востоке.

На смену Европе пришла Евразия [2]. Восточная Римская империя, как показывает опыт исторического процесса, не была чужой ни для народов европейских,

ни для народов евразийских. Ее политическая стойкость и дальнейшее усиление за счет интеграции варварских племен в свою систему, доказывают, что Византия соединяла оба месторазвития. Византия исполняла роль огромной крепости на границах Европы и Азии, соединяя в своих границах большие части трех континентов. Византия не распространяла свое духовное влияние на Восток за счет религиозно–политической экспансии, предпочитая воссоединение ортодоксального христианства в Италии. Так было во времена Юстиниана Великого. Таких же идеологических установок придерживались и другие императоры Восточной Римской империи.

Христианство определяло политику Византийской империи. Та политическая теория, которую разрабатывали ромейские императоры, юристы, философы до сих пор является наилучшим примером духовной и материальной координации между органами государственной власти и церковью [6, с. 6–8]. В эпоху правления Юстиниана Великого (527–565) исследователи отчетливо видят то единство государства и церкви, которое принято называть греческим термином «симфония».

Словно классическое музыкальное произведение или предмет античного изобразительного искусства византийская церковно–государственная симфония стала тончайшим и прекраснейшим произведением человеческого разума. Ее теоретическим предпосылкам и множеству успешных попыток практической реализации могут позавидовать все без исключения политические идеологии и политологические концепции государственного управления.

Церковь и государство стали совершенно нераздельными представителями «власти». Речь идет о слиянии «власти Божественной» и «власти земной» в мыслях и деяниях равноапостольного василевса – императора Восточной Римской империи [17].

Политико–правовая теория Юстиниана Великого была всецело сконцентрирована вокруг категории «власть». И религия понималась императором в качестве источника власти политической. Религиозная легитимация государственной власти императора означала гарантию поддержки его персоны со стороны населения.

Византийская симфония, теоретической закрепление которой состоялось во времена кодификации и систематизации римского права Юстинианом Великим (527–565) предполагала концепцию двуединой власти. Условно ее можно начертить так:

вертикальное понимание: государство–церковь =
= горизонтальное понимание: император–население.

Согласно теории «симфонии», категории вертикального и горизонтального понимания «власти» идентичны в соответствии с их местом в начерченной нами формуле. Это значит, что государство в вертикальном и император в горизонтальном понимании тождественны по своей юридической сущности. Они характеризуются позитивно–правовой природой, формализацией и неразрывно связаны. *Восточная Римская империя есть не столько страна, сколько система власти. Вот о чем говорит наша формула.* Эта система власти продолжает дело Римской империи и свидетельствует о ее дальнейшем существовании. Римская империя понимается византийцами не как конкретная географическая террито-

рия. Она воспринимается как христианский мир, возглавляемый императором, интеллект которого будучи наделен Божественным провидением выступает источником государственного строя [6; 12; 17]. Император согласно такому утверждению теряет свою обычную человеческую природу со дня миропомзания и превращается в государственный символ.

В свою очередь, церковь в вертикальном и население в горизонтальном понимании так же тождественны по своей юридической сущности. Но их особенность состоит в естественности. Их существование подчиняется законам природного права, но прерогатива организовывать жизнедеятельность церкви и населения является главной работой императора. Государство есть организация населения, а император и церковь выполняют функции взаимной координации. Таким образом, в приведенной нами формуле все элементы максимально взаимосвязаны. Охарактеризовать любой из них невозможно без характеристики остальных.

Теория «симфонии» не имеет территориального измерения. Это новый теоретический шаг относительно «Римской идеи» [13, с. 33]. Но этот шаг не противоречит ей. Скорее наоборот. «Римская идея» вошла в состав теории «симфонии» одновременно на правах источника и мировоззренческой позиции. Она демонстрировала как раз те самые территориальные рамки возможного построения симфонии государства с церковью, о которых не говорилось в контексте изначальной теории «симфонии».

Некоторые образцы территориальности присутствуют в рамках категорий государство (по вертикали) и население (по горизонтали). Государство рассматривалось в рамках «Римской идеи», а население этого государства должно было происходить со всех концов *Rex Romana* [12; 13]. Однако, римский контекст, для теории симфонии являлся почвой – исходным мировоззрением. Сама теория симфонии выступила уже продуктом средневековой греческой мысли. Ее появление есть манифестация рассматриваемой нами ранне-средневековой дифференциации римлян и греков. Если для греков (византийцев) политической целью стало построение единого Вселенского Христианского Государства на принципах симфонии в рамках древнего *Rex Romana*, то для римлян (итальянцев и германцев) политическая цель состояла в нормализации общественной и экономической жизни через достижение мира между многими государственными образованиями Западной Европы.

Теория симфонии государства и церкви продиктована условиями византийской политико–правовой жизни. Ее разработка и внедрение создали тот специфический «греческий» (или скорее «православный») колорит, который вывел Византийскую империю на свой собственный (обособленный от Западной Европы) путь цивилизационного развития.

С точки зрения политической антропологии, для констатации факта отпадения Западной Европы от Римской империи (Восточной) важен фактор социальной психологии – итальянцы и византийцы начали думать по–разному [8, с. 355]. Начался процесс наработки обособленных политических и юридических традиций. Корни этих традиций везде были одни и те же, но творческое их осмысление, а также подходы

к интерпретации духовного наследия не оставляют у нас сомнения в том, что итальянцы и византийцы больше не воспринимали себя населением Римской империи. Теперь они были именно итальянцами и именно византийцами. Началась смена политической самоидентификации народов Римского мира [о традиции и политическом/юридическом традиционализме см.: 11, с. 23–44].

С точки зрения геополитики, психологическое разобщение итальянцев и греков базировалось на изменении экономической конъюнктуры в Средиземноморском регионе. Старые торговые пути, которые ранее выступали составными частями «внутреннего моря» римлян, превращались в «ничейные» воды. В лучшем случае они переходили под военный контроль варварских государственных образований, а в худшем становились прибежищем многочисленных флотилий морских разбойников – пиратов [15, с. 173–174].

Большую роль играло ухудшение земледельческих техник, всеобщая трудовая деградация в Западной Европе [комплексный анализ натурализации и упадка народного хозяйства дан З. Удальцовой – см.: 18]. Становилось невыгодным делом постоянно обрабатывать земельные уделы ввиду постоянной опасности нападения новых варварских племен. Народы бывшей Западной Римской империи смогли воочию лицезреть, что собой представляет отсутствие надежной и крепкой государственной власти. Новые племена германцев приносили с собой свои обычаи и новые принципы правопонимания [1; 3; 18]. Любая централизация становилась невозможной вследствие перманентного состояния войны всех против всех. Европа вступила в затяжной кризис, поскольку Великое переселение народов оказалось неустойчивым процессом. Боевые действия отвлекали племена варваров от более насущного вопроса – организации системы распределения ресурсов на завоеванных территориях. Сосуществование многих систем обычаев одновременно также усложняло восстановление региональных экономик.

На наш взгляд, одной из важнейших причин экономического кризиса стала политическая недееспособность германских и славянских племен, пришедших на территории Западной Римской империи и перманентно сменяющих друг друга в процессе Великого переселения народов, проявляющаяся в исторически сложившейся общинной системе [детальное изложение вопроса сделано ещё Е. Гутновой – см.: 4]. Эта система являлась исключительно положительным явлением в условиях истории германской или славянской. Но когда германцы начали экспансию на запад и юг, то их общинная система дала сбой. Отсутствие единоначалия в общине приводило к постоянной борьбе за высшую власть внутри варварских королевств. Кроме того, не была выработана процедура осуществления такого единоначалия. В течение всего раннего средневековья королевская власть в государственных образованиях варваров больше напоминала власть вождя, наследуя общинные традиции института временного военно–политического вожества, описанного еще Тацитом. Экономическое укрепление Западной Европы полностью совпадает со временем трансформации королевской власти от общинного вожества до государственной конструкции.

Следует подчеркнуть, что и эта трансформация обусловлена как раз восприятием римского права, в том числе кодифицированного Юстинианом Великим, что также совпало с политическим усилением Святого Престола в Риме [12, с. 59–92].

Так или иначе, но сочетание психологических и экономических факторов разрушило древнее ощущение единства греков и римлян. Этот момент уже явно свидетельствует о начале этногенеза итальянцев, а также о формировании «среднегреческой» культуры, пришедшей на смену античности.

Политико–антропологические исследования предлагают нам рассматривать власть как сакральный политический институт [7; 8; 10; 11]. Все политические теории и идеологии сконцентрированы именно вокруг власти. Даже сам термин «политика» в политологии принято определять через его связь с категорией «власть»: «Политика является совокупностью взаимных отношений индивидов и социальных групп, сконцентрированных вокруг завоевания, удержания и использования власти с целью реализации собственных интересов». Таким образом, *изменение понимания «власти» населением определенной территории свидетельствует об изменении вектора культурного развития*. Уже при Юстиниане Великом (527–565) было создано специфическое греческое понимание власти – теория церковно–государственной симфонии. Дальнейшая история политической мысли Византийской империи является историей приспособления теории симфонии под каноны Православной Церкви. Что касается итальянских римлян и германцев, то они сконцентрировались вокруг решения экономических проблем, занимаясь главным образом организационно–политическими вопросами. Римский Патриархат только вступал в политическую борьбу, хотя уже и представлял собою полноценный политический и юридический институт [9]. Однако, в отличие от византийской теории симфонии, разрабатываемая в недрах будущей Католической Церкви политическая теория предлагала концентрацию светской и духовной власти в руках Папы Римского. Она говорила не столько о сосуществовании церкви и государства, сколько о подчинении государственных образований церкви. И мы должны подчеркнуть, что у Папы были причины на подчинение государств религиозной власти. В условиях, когда власть вовсе не выступала залогом порядка, когда варварские короли с трудом могли наладить распределение жизненно важных ресурсов, Папа Римский становился на Западе единственным легальным и полностью легитимным управленцем, который получил свою власть еще со времен Римской империи. Кроме того, именно Папа Римский, начиная еще со времен нашествия гуннов Аттилы в 452 году, выступал главным дипломатом бывшего Римского мира и посредником во время всех военно–политических конфликтов между христианами. Как отмечал Джон Джулиус Норвич, Папа Римский отождествлялся населением бывшей Западной Римской империи с персоной императора [14].

Мыслилось ли на Западе религиозное выше от политического? С точки зрения учения Отцов Церкви, конечно же, мыслилось. Однако, с точки зрения повседневной исторической практики, религиозное зачастую заменяло собою политическое. Религия

была источником политики. Институт Папства, с момента своего вступления на дипломатическое поприще превратился в источник мировой политики. В условиях распада Западной Римской империи, именно Папство взяло на себя обязанности верховного управителя и контролера всего бывшего Запада. Папство выступало арбитром всех церковных споров (включая византийские) и локальных военных конфликтов, за что взамен требовало признания своей доминирующей роли в религиозной жизни всего Pax Romana и в политической жизни Западной Европы.

В то время лишь Папа Римский мог выступить единственной фигурой высшего политического порядка, наделенной объединяющей и легитимной силой для населения бывшей Западной Римской империи.

Так или иначе, но на Востоке (в Византийской империи) религиозное мыслилось однозначно выше политического, что доказывается уравниванием обеих этих систем мировоззрения. Предполагалось, что политика проистекает из религии. Таким образом, политика признавалась руководимой Божественной силой, что не позволяло византийцам разделять церковь и систему государственного управления. Обе институциональные системы, по мнению византийцев, обладали однопорядковой силой и одинаковой целью.

На Западе, религиозное и политическое в массовом сознании развивалось обособленно. Здесь, между прочим, проявляется и результат духовного развития Запада Римской империи на протяжении всего периода поздней античности. На Востоке, несмотря на наличие древнегреческой философской традиции, эллинизированное население византийских провинций воспринимало религиозное и политическое как тождественное (с поправкой только на то, что христианство является фундаментом политики).

Исходя из этой закономерности, мы можем говорить о том, что в данном фундаментальном противоречии внутри христианского мировоззрения открывается сущность дальнейшего исторического процесса на Западе и на Востоке.

Главной чертой исторического развития Западной Европы в средневековье была именно борьба Церкви (религиозного института) за контроль над государственной властью (над политическими институтами). Церковь вела отчаянную борьбу за сохранение жизненного потенциала и экономических ресурсов внутри бывшей Западной Римской империи (вначале). Затем она установила контроль над государствами и государями (к примеру, хорватский король Дмитрий Свинимир (Звонимир) в 1076 году называл себя вассалом Папы Римского, а свое королевство его законным леном). Со временем этот контроль стал ущемлять интересы европейских властителей, что привело к началу Реформации, а если вовсе быть точными, то к попытке низложить христианство с политической арены континента. Эта попытка частично удалась, поставив Католическую Церковь в совершенно иные условия развития.

Главной чертой исторического развития Восточной Римской империи (Византии) в средневековье была борьба за сохранение ортодоксального христианства. Эта борьба носила традиционалистский характер. Она определялась теоретическим и зачастую

практическим единством императора и патриарха, государства и церкви. Использование византийскими василевсами теории симфонии в реальной политической жизни определялось необходимостью сплотить восточноримское население перед нарастающей угрозой с Востока и перед перманентной западной агрессией. И мы должны подчеркнуть, что Византийская империя с честью выполнила поставленную перед ней задачу, сохранив православное христианство, а также обеспечив в будущем легальный статус православия в Османской империи.

Итак, теория симфонии государства и церкви носит специфический греческий характер. Она дополнила «Римскую идею» новыми элементами, что ознаменовало переход от античности к средневековью в области политической мысли. Условной границей для этого перехода мы можем выбрать 565 год – год смерти Юстиниана Великого (527–565) и вступления на престол Юстина II (565–578).

Византийская симфония сконцентрирована вокруг «сакрализации власти». Она предлагает смотреть на вещи с точки зрения их идеальной природы и пользоваться природным правом в качестве источника политического действия.

Список использованных источников

1. Браччіні Т. Пізньюантична Італія і так звані кінці античного світу / Т. Браччіні // Історія європейської цивілізації. Рим. За ред. У. Еко. – Х.: Фоліо, 2017. – С.211–214.
2. Вернадский Г. Начертание русской истории / Г. Вернадский. – Москва: Алгоритм, 2008. – 336 с.
3. Войтович Л. В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / Л. В. Войтович, А. М. Домановський, Н. Б. Козак, І. М. Лильо, М. М. Мельник, С. Б. Сорочан, О. В. Файда. За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів: Видавництво «Апріорі», 2011. – 880 с.
4. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков / Е. В. Гутнова. – М.: Высшая школа, 1974. – 400 с.
5. Кирилюк Ф. М. Громадянська політологія: між історією громадянства та громадянською історією / Ф. М. Кирилюк, В. М. Мельник // Збірник тез і матеріалів доповідей Міжнародної наукової конференції «Наукові засади об'єктивності і суб'єктивності громадянського суспільства» (м. Київ, 24–25 квітня 2017 року) в рамках «Днів науки філософського факультету – 2017» / за заг. ред. проф. Ф. М. Кирилюка. – К.: Міжнародний центр громадянської політології при КНУ ім. Т. Шевченка, 2017. – С.3–8.
6. Лебедева Г. Е. И. И. Соколов об извечной проблеме церковной византистики: Вступительная статья / Г. Е. Лебедева // Соколов И. И. О византизме в церковно–историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453 г.). Вселенские судьи в Византии / И. И. Соколов. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003. – С.5–10.
7. Мельник В. М. Нариси з теорії соціокультурної антропології. Наукове дослідження / В. М. Мельник. – Вінниця: ТОВ «Вінницька міська друкарня», 2015. – 552 с. Друге видання.
8. Мельник В. М. Теоретична конструкція політичної антропології / В. М. Мельник // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. – К.: Видавництво «Гілея», 2016. – Вип.113 (10). – С.348–360.
9. Мельник В. М. Еволюція міжнародно–правового статусу Ватикану: історія, сьогодення, українські акценти / В. М. Мельник. – Вінниця: ТОВ «Меркьюрі–Поділля», 2017. – 192 с.
10. Мельник В. М. Проблема політико–антропологічного обґрунтування соціальної інтеграції Євразійського мезорозвитку: скифо–сарматське історіографічне вимірювання / В. М. Мельник // Економічна інтеграція: потенціал і ресурси розвитку: збірник тезисів конкурсних робіт учасників IV Міжнародного конкурсу на найкращу наукову роботу серед молодих учених / под ред. д-ра екон. наук, проф. І. А. Максимцева. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – С.117–121.

11. Melnyk V. Chapter Two: Tradition and Nation in Political Anthropology: The Ukrainian Ethno-historical Context / Viktor Melnyk // The Process of Politicization: How Much Politics Does a Society Need? / CGS Studies vol.5. Edited by Wieslaw Waclawczyk and Adam Jarosz. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. – P.23–44.

12. Мельник В. М. Византия, германцы и славяне у истоков международной правосубъектности государств: римское юридическое наследие и проблема исторического неравенства возможностей / В. М. Мельник // *Аннали юридичної історії*. – Т.1. №2. – квітень–липень 2017. – Випуск «Городяни і громадяни: історія та антропологія територіальних громад». – С.59–92.

13. Мельник В. М. «Idea Romana» как фактор политико-юридического развития в эпоху христианизации и дезинтеграции Римской империи (313–423 годы) / В. М. Мельник // *Порівняльно-аналітичне право*. – 2017. – №3. – С.31–34.

14. Норвич Д. История Византии. История Венецианской республики / Джон Норвич. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 960 с.

15. Петрушенко В. П. Антропологія ранньофеодального європейського ринку як економічна проблема / В. П. Петрушенко, В. М. Мельник // *Майбутній науковець* – 2016: матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції 2 грудня 2016 року. – Ч.ІІ. – Сєверодонецьк: СНУ ім. В. Даля, 2016. – С.172–175.

16. Смирнов И. Н. Очерк культурной истории Южных Славян. Развитие духовной жизни / И. Н. Смирнов. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 160 с.

17. Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453 г.). Вселенские судьи в Византии / И. И. Соколов. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003. – 272 с.

18. Удалцова З. В. Италия и Византия в VI веке / З. В. Удалцова. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 547 с.

References

1. Brachchiani T. Piznoantychna Italija i tak zvanyj kinec' antychnogo svitu / T. Brachchiani // *Istorija jevropejs'koi' cyvilizacii'*. Rym. Za red. U. Eko. – Н.: Folio, 2017. – S.211–214.

2. Vernadskij G. Nachertanie russkoj istorii / G. Vernadskij. – Moskva: Algoritm, 2008. – 336 s.

3. Vojtovych L. V. Istorija Vizantii'. Vstup do vizantynistyky / L. V. Vojtovych, A. M. Domanov's'kyj, N. B. Kozak, I. M. Lyl'o, M. M. Mel'nyk, S. B. Sorochan, O. V. Fajda. Za red. S. B. Sorochana i L. V. Vojtovycha. – L'viv: Vydavnytvo «Apriori», 2011. – 880 s.

4. Gutnova E. V. Istorijografija istorii srednih vekov / E. V. Gutnova. – М.: Vysshaja shkola, 1974. – 400 s.

5. Kyryljuk F. M. Gromadjans'ka politologija: mizh istorijeju gromadjanstva ta gromadjans'koju istorijeju / F. M. Kyryljuk, V. M. Mel'nyk // *Zbirnyk tez i materialiv dopovidej Mizhnarodnoi' naukovoї konferencii' «Naukovi zasady ob'ektivnosti i sub'jektivnosti gromadjans'kogo suspil'stva»* (m. Kyi'v, 24–25 kvitnja 2017 roku) v ramkah «Dniv nauky filosofov'kogo fakul'tetu – 2017» / za zag. red. prof. F. M. Kyryljuka. – К.: Mizhnarodnyj centr gromadjans'koi' politologii' pry KNU im. T. Shevchenka, 2017. – S.3–8.

6. Lebedeva G. E. I. I. Sokolov ob izvechnoj probleme cerkovnoj vizantinistyki: Vstupitel'naja stat'ja / G. E. Lebedeva // Sokolov I. I. O vizantinizme v cerkovno-istoricheskom otnošenii. Izbranie patriarhov v Vizantii s serediny IX do nachala XV veka (843–1453 g.). Vselenkie sud'i v Vizantii / I. I. Sokolov. – SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2003. – S.5–10.

7. Mel'nyk V. M. Narysy z teorii' sociokul'turnoi' antropologii'. Naukove doslidzhennja / V. M. Mel'nyk. – Vinnyca: TOV «Vinnye'ka mis'ka drukarnja», 2015. – 552 s. Druge vydannja.

8. Mel'nyk V. M. Teoretychna konstrukcija politychnoi' antropologii' / V. M. Mel'nyk // *Gileja: naukovyj visnyk. Zbirnyk naukovykh prac'*. – К.: Vydavnytvo «Gileja», 2016. – Vyr.113 (10). – S.348–360.

9. Mel'nyk V. M. Evoljucija mizhnarodno-pravovogo statusu Vatykanu: istorija, s'ogodennja, ukrai'ns'ki akcenty / V. M. Mel'nyk. – Vinnyca: TOV «Merk'juri-Podillja», 2017. – 192 s.

10. Mel'nik V. M. Problema politiko-antropologicheskogo obosnovanija social'noj integracii Evrazijskogo mestorazvitija: skifo-sarmatskoe istoriograficheskoe izmerenie / V. M. Mel'nik // *Jekonomicheskaja integracija: potencial i resursy razvitija: sbornik tezisov konkursnykh rabot uchastnikov IV Mezhdunarodnogo konkursa na luchshuju nauchnuju rabotu sredi molodyh uchenykh / pod red. d-ra jekon. nauk, prof. I. A. Maksimceva. – SPb.: Izd-vo SPbGJeU, 2017. – S.117–121.*

11. Melnyk V. Chapter Two: Tradition and Nation in Political Anthropology: The Ukrainian Ethno-historical Context / Viktor Melnyk // The Process of Politicization: How Much Politics Does a Society Need? / CGS Studies vol.5. Edited by Wieslaw Waclawczyk and Adam Jarosz. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. – P.23–44.

12. Mel'nik V. M. Vizantija, germancy i slavjane u istokov mezhdunarodnoj pravosub'ektnosti gosudarstv: rimskoe juridicheskoe nasledie i problema istoricheskogo neravenstva vozmozhnostej / V. M. Mel'nik // *Annaly jurydychnoi' istorii'*. – Т.1. №2. – kviten'-lypen' 2017. – Vypusk «Gorodjany i gromadjany: istorija ta antropologija terytorial'nyh gromad». – S.59–92.

13. Mel'nik V. M. «Idea Romana» kak faktor politiko-juridicheskogo razvitija v jepohu hristianizacii i dezintegracii Rimskoj imperii (313–423 gody) / V. M. Mel'nik // *Porivnjal'no-analitychne pravo*. – 2017. – №3. – S.31–34.

14. Norvich D. Istorija Vizantii. Istorija Venecianskoj respubliki / Dzhon Norvich. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 960 s.

15. Petrushenko V. P. Antropologija rann'ofeodal'nogo jevropejs'kogo rynku jak ekonomichna problema / V. P. Petrushenko, V. M. Mel'nyk // *Majbutnij naukovec'* – 2016: materialy vseukrai'ns'koi' naukovo-praktychnoi' konferencii' 2 grudnja 2016 roku. – Ch.II. – Sjeverodonec'k: SNU im. V. Dalja, 2016. – S.172–175.

16. Smirnov I. N. Oчерк kul'turnoj istorii Juzhnyh Slavjan. Razvitie duhovnoj zhizni / I. N. Smirnov. – М.: Knizhnyj dom «Librokom», 2011. – 160 s.

17. Sokolov I. I. O vizantinizme v cerkovno-istoricheskom otnošenii. Izbranie patriarhov v Vizantii s serediny IX do nachala XV veka (843–1453 g.). Vselenkie sud'i v Vizantii / I. I. Sokolov. – SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2003. – 272 s.

18. Udal'cova Z. V. Italija i Vizantija v VI veke / Z. V. Udal'cova. – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. – 547 s.

Melnyk V. M., political scientist, editor-in-chief of the scientific journal «Annals of legal history», lecturer of the Department of Philosophy and Social Sciences of the Vinnytsia National Medical University N. I. Pirogov, a member of the Ukrainian Foreign Policy Association, a scientific secretary of the International Center for Civil Political Science at KNU T. Shevchenko (Ukraine, Kyiv), melnyk_science@mail.ru, melnyk1996ethnology@gmail.com

Theory of symphony in horizontal and vertical dimensions as a political-anthropological feature of Byzantine history

The theory of the symphony of the state and the church has a specific Greek character: It supplemented the "Roman idea" with new elements, which marked the transition from antiquity to medieval in the field of political thought. Conditional border for this transition, we can choose 565 years - the year of the death of Justinian the Great (527-565) and the accession to the throne of Justin II (565-578). The Byzantine symphony is centered around the "sacralization of power." She suggests looking at things from the point of view of their ideal nature and enjoying natural law as the source of political action.

Keywords: theory of symphony of state and church, natural law.

Мельник В. М., політолог, головний редактор наукового журналу «Аннали юридичної історії», викладач кафедри філософії та суспільних наук Вінницького національного медичного університету ім. Н. І. Пирогова, член Української асоціації зовнішньої політики, вчений секретар Міжнародного центру цивільної політології при КНУ ім. Т. Шевченка (Україна, Київ), melnyk_science@mail.ru, melnyk1996ethnology@gmail.com

Теорія симфонії в горизонтальному і вертикальному вимірах як політико-антропологічна риса Візантійської історії

Теорія симфонії держави і церкви носить специфічний грецький характер. Вона доповнила «Римську ідею» новими елементами, що ознаменувало перехід від античності до середньовіччя в області політичної думки. Умовною межею для цього переходу ми можемо вибрати 565 рік – рік смерті Юстиніана Великого (527-565) і вступу на престол Юстиніана II (565-578). Візантійська симфонія сконцентрована навколо «сакралізації влади». Вона пропонує дивитися на речі з точки зору їх ідеальної природи і користуватися природним правом як джерело політичної дії.

Ключові слова: теорія симфонії держави і церкви, природне право.

* * *